

«как прямое отражение своеобразной „неэвклидовой геометрии“ его, летописца, не только исторического, но и художественного мышления — его стиля».²⁶

Наблюдения И. П. Еремина над «Повестью временных лет» заслуживают внимания при любом взгляде на историю этого памятника. Конечно, противоречивость некоторых исторических образов, о которых писал И. П. Еремин, могла объясняться противоречиями между источниками «Повести»: в рассказе о Святополке Изяславиче могли, например, соединиться дружественные известия, восходящие к Нестору, с враждебными сообщениями его предшественника и редактора.²⁷ Но, так или иначе, в «Повести» эти известия представлялись читателю в едином рассказе, следовательно, такая противоречивость не смущала летописца и может рассматриваться как отражение его литературных принципов. Для того чтобы подчеркнуть своеобразие художественного метода летописца, И. П. Еремин сопоставлял его с искусством нашего времени. Едва ли можно возражать против такого сопоставления. Л. В. Черепнин, справедливо упрекавший И. П. Еремина за неточную и неубедительную критику его предшественников, был совсем не прав, когда считал, что, сравнивая летописный рассказ с приключенческим фильмом, И. П. Еремин прибегал к «настоящей вульгаризации прошлого».²⁸ В упрек И. П. Еремину скорее следовало бы, на наш взгляд, поставить не это сравнение, а то, что оно было сделано не вполне серьезно — исследователь имел в виду не действительные особенности раннего киноискусства, а лишь впечатление, которое получает зритель, опоздавший на приключенческий фильм: «... действие в разгаре, герой мечется на экране, спешит, торопится, но куда и зачем спешит и торопится — непонятно».²⁹ Действительное же сопоставление древнего повествовательного искусства с ранним кино представляется нам вполне возможным.³⁰ Едва ли прав был Л. В. Черепнин и тогда, когда он напоминал И. П. Еремину, что «Повесть временных лет» — это «художественное произведение, подчиняющееся законам своего времени»: ³¹ именно из этого положения исследователь и исходил, всячески подчеркивая своеобразие древних художественных «законов».

Спор может идти скорее о другом — о причинах отмеченного И. П. Ереминым своеобразия летописного рассказа. Если исторический персонаж мог в «Повести временных лет» обретать «многосоставный облик», если он мог «перевосплотаться» из злодея в героя и наоборот, то это объясняется, по мнению И. П. Еремина, своеобразием «художественного мышления» летописца. Но можем ли мы быть уверенными, что летописец в данном случае выступал как художник, что такого рода «мозаика» имела эстетическое назначение? Ведь летопись, несмотря на свои высокие художественные достоинства, была не только произведением искусства, но прежде всего историографическим и политическим памятником. А для историографии и политической публицистики «единство образа» персонажа — далеко не самая важная задача. К такому единству не всегда стремятся

²⁶ И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 71—79. Ср.: И. П. Еремин. Лекции по древней русской литературе, стр. 48—52 и 60—61.

²⁷ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет», т. I. Пгр., 1916, стр. XIII—XVIII; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 36—42.

²⁸ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, т. 25, М., 1948, стр. 300.

²⁹ И. П. Еремин. Литература древней Руси, стр. 43—44.

³⁰ Ср.: Я. С. Лурье. Сюжет на ранних стадиях повествовательного искусства (на материале древнерусской литературы). — РЛ, 1969, № 1, стр. 46—48.

³¹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды, стр. 300.